

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 1, pp. 8–18, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18

Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв.: постановка проблемы и история изучения

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: kigiran@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Батмаев М. М., 2022

Аннотация. *Введение.* Большинство работ в отечественной историографии посвящено политической истории: классовой борьбе, войнам, социально-политическому и социально-экономическому развитию, выдающимся деятелям и т. п. Между тем понятно, что основой исторического развития любого народа, в конечном счете, его существования, является повседневный труд народных масс. Статья прослеживает появление и развитие в исторической науке направления, изучающего повседневность, в том числе и в отечественной историографии. *Цель* статьи — показать плодотворность разработки и освещения повседневной жизни калмыцкого народа, т. е. всех его сословий и сословных групп на протяжении трех веков: XVII–XIX вв. *Результаты.* В статье освещается деятельность французской школы «Анналов», а точнее их основателей: М. Блока и Л. Февра. Рассмотрено появление работ о повседневности в отечественной историографии. Что касается калмыцкой повседневности в прошлом, то сделан *вывод* о том, что к настоящему времени нет опубликованных специальных работ по этой теме. Имеются работы по этнографии, где говорится о быте калмыков в прошлом, об их обычаях, об их хозяйственных занятиях и т. п., которые входят составной частью и в тематику повседневности.

Ключевые слова: повседневность, российская повседневность, калмыцкая этнография, калмыцкая повседневность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв.: постановка проблемы и история изучения // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 1. С. 8–18. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18

Everyday Life of Kalmyks, 17th–19th Centuries: Defining the Problem and Its Background

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2233-0647. E-mail: kigiran@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Batmaev M. M., 2022

Abstract. *Introduction.* The majority of Russian historiographic works deal with political history, namely: class struggle, wars, sociopolitical and socioeconomic development, prominent figures, etc. Meanwhile, it is evident enough that an ultimate basis for historical development and existence of any ethnos is everyday labor of the masses. The article reviews the emergence and development — in historical science as such and Russian historiography proper — of the research trend exploring everyday life. The paper notes virtually no such works have been published in Kalmykia, nor can one find any essential scholarly narratives on everyday life of Kalmyks. *Goals.* The study aims at delineating long-term benefits of academic insights into Kalmyk routine life, all estates and social groups throughout the 17th to 19th centuries. *Results.* The paper revisits activities by founders of the Annales school (France) — Marc Bloch and Lucien Febvre. Special attention is paid to similar works on everyday life in Russian historiography. *Conclusions.* The available ethnographic narratives examine the past household life of Kalmyks, their rites, economic affairs and other aspects integral to the subject area ‘mundane life’. However, the article concludes no special works to have covered Kalmyk routine life of the past have been published yet.

Keywords: everyday life, Russian everyday life, Kalmyk ethnography, Kalmyk everyday life

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Batmaev M. M. Everyday Life of Kalmyks, 17th–19th Centuries: Defining the Problem and Its Background. *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 8–18. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-8-18

Введение

В 1986 г. было опубликовано второе издание (первое издание — в 1949 г.) работы известного французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка» в переводе Е. М. Лысенко. Издание сопровождалось примечаниями и рецензией также известного отечественного историка А. Я. Гуревича «Марк Блок и „Апология истории“». Марк Блок вместе с Люсьеном Февром был основателем направления во французской историографии «Новая историческая наука» или, как оно еще называется, Школы «Анналов». Более подробно о нем можно узнать при прочтении работы А. Я. Гуревича под названием «Исторический синтез и Школа „Анналов“» [Гуревич 1993]. В своей большой статье-рецензии А. Я. Гуревич анализирует выда-

ющийся вклад Марка Блока совместно с коллегой-товарищем Люсьеном Февром в развитие исторической науки не только во Франции, но и во многих других странах, в первую очередь в западноевропейских. А. Я. Гуревич отметил, что среди многочисленных работ М. Блока нет ни одной работы по политической истории или посвященных выдающимся историческим лицам. Его, по мнению выдающегося отечественного медиевиста, привлекает коллективная психология, типические массовидные явления, в которых можно обнаружить определенную повторяемость [Блок 1986: 195–196].

М. Блок и Л. Февр стояли у истоков нового исторического направления. Они выступили за ввод в предмет исторической науки жизнь и деятельность широких народных масс. Содержание книги М. Блока, его

неудовлетворенность существующим положением истории во Франции его времени, прямо перекликается с не совсем уж дальним состоянием истории как науки в нашей стране. Перестройка всколыхнула отечественных историков: показала, что когда распевали во время маевки и октябрин «Я такой другой страны не знаю, где так вольно дышит человек», на деле дыхание советского человека порою бывало стесненным.

Развитие темы повседневности в российской историографии

Перестройка, которая началась и происходила в наше с вами время и результаты которой мы видим сегодня (анализ их не входит в задачи нашей работы), не могла не коснуться и отечественной исторической науки. Процесс оздоровления идеологической атмосферы был извилист и труден. Бывший член Политбюро и председатель Идеологической комиссии в период между XIX конференцией и XXVIII съездом КПСС В. А. Медведев вспоминал, что он в начале октября 1989 г. пригласил в ЦК КПСС на совещание сравнительно узкую группу ведущих ученых-историков для обмена мнениями по проблемам развития исторической науки и повышения ее роли в формировании общественного сознания. Он говорил «узкой группе», которая, очевидно, должна была соглашаться со сказанным, что, к сожалению, отечественные обществоведение и историческая наука оказались не на должной высоте и не готовыми к работе, требуемой от них. Первенство в новых исторических исследованиях оказалось не в руках ученых историков-специалистов, а его захватили публицисты, журналисты и писатели. Далее В. А. Медведев утверждал, что в целом сдвиги идут в правильном направлении, но все-таки не ученые-историки задают тон [Медведев 1998: 299]. Партийный функционер, как и прежде, пытался указывать, что освобождающиеся от жесткого (если не сказать более) идеологического диктата историки уже не хотят иметь над собой непрошенных контролеров.

К счастью, ученым, и не только историкам, постепенно удавалось освобождаться от идеологического диктата. Тот же А. Я. Гуревич сообщает, что книгу «Исторический синтез и Школа „Анналов“» в основном написал во время пребывания в США в период с конца 1988 г. по первую половину 1989 г. Сама возможность осуществления данной научной командировки была обе-

спечена ему Центром Гетти по изучению истории искусств и гуманитарных знаний (г. Санта-Моника, Калифорния). Очевидно, для того времени воздух Америки был для автора благоприятным: книга удалась [Гуревич 1993: 8].

Нет никакого сомнения, что А. Я. Гуревич задолго до командировки в США хорошо представлял себе истинное положение в отечественной исторической науке. Теперь же он имел возможность — благодаря не поездке в США, а начавшейся перестройке — открыто и публично высказать свои взгляды. В 1990 г., в 11-м номере журнала «Вопросы философии» он опубликовал статью «Теория формаций и реальность истории». В ней он прямо заявил, что теория общественных формаций не выдержала испытания временем [Гуревич 1990: 31].

От себя добавлю, что теория марксизма-ленинизма, как ее с пиететом именовали, доказывала свою ограниченность на наших с вами глазах. Она, как и все теории подобного характера, какими-то гранями отвечала идеологическим потребностям определенного периода времени общественного развития. Эта теория правильно истолковывала определенные состояния и процессы, присущие тому или иному периоду в развитии того или иного человеческого общества. Однако возводить ее в истину в последней инстанции было не только ошибочным, но и вредным.

Как представляется, наиболее ошибочным в теории марксизма-ленинизма было упование на насилие в решении задач общественного развития. История нашего Отечества дает массу примеров того, во что оборачиваются благие намерения, если их достигают путем насилия. Повседневность времен революций, гражданской войны, раскулачивания, культа личности тому доказательство. Прав был А. Я. Гуревич, когда писал, что «эксперименты по практическому воплощению идеи социализма... не увенчались успехом... Эти эксперименты, проводившиеся в странах с различными социально-экономическими укладами, преимущественно некапиталистическими или при относительно слабой развитости капитализма, приводили к использованию идеи социализма в качестве псевдонима тоталитарных режимов» [Гуревич 1990: 31].

А. Я. Гуревич немало сделал для популяризации — по крайней мере, среди отечественных историков — идей и творчества

ученых авторов Школы «Анналов». Историки же этого направления не в последнюю очередь интересовались и разрабатывали историю повседневности в ту или иную эпоху, преимущественно во Франции. Можно с большим основанием предположить, что работы А. Я. Гуревича вызвали интерес к данной тематике у отечественных историков, и этим обстоятельством объясняется появление на рубеже второго и третьего тысячелетий ряда работ по истории российской повседневности, а также теоретического характера [Бутенко 1987; Кнабе 1989; Лелеко 2002; Людтке 1999: 77–100].

Необходимо отметить, что, будучи для российской историографии сравнительно новым направлением, тема повседневности нуждалась в выработке соответствующей терминологической базы и определения содержания терминов. Например, Т. С. Георгиева считала, что подобно тому «как повседневность — это жизнь в целом, все жизненные реалии, так и культура повседневности — это культура в ее синкретичности. Это то, во что погружен человек, где он живет, как живет, мыслит, ведет себя и т. п. Обыденная культура — это специфический, только человеку свойственный способ его бытия. Это бытие человека в различных жизненных реалиях, в различных областях действительности; это сфера, созданная самим человеком. Или иначе культуру повседневности можно понимать как универсальный способ человеческого существования, имеющего свои пространственно-временные границы, как форму организации повседневной жизни и деятельности человека, так как только труд, деятельность как таковая являются неперенным условием его бытия» [Георгиева 2005: 17].

По мнению Т. С. Георгиевой «повседневная культура человека проявляется через особенности его деятельности, сознания и поведения, а также через вещи, предметы, произведения искусства и художественного ремесла, окружающие его орудия труда, языковые особенности речи, характеризующие этого человека или группу людей, общество в целом» [Георгиева 2005: 17].

Сказанное в целом, конечно, верно, но возникает вопрос: могут ли быть для отдельного человека, а может быть, и для группы людей две повседневности? Ведь человек — разумное, мыслящее существо, и поэтому каждый из людей по-разному воспринимает окружающую повседневность,

домысливает или по-разному осмысливает ее. Например, шпион живет двойной жизнью, и для каждой из этих жизней повседневность воспринимается, проживается по-разному. Вызывает сомнение и следующее утверждение уважаемого автора: «Мир культуры — это мир человека, от начала и до конца создаваемый им» [Георгиева 2006: 9]. И далее: «История культуры — это прежде всего история становления человека, выделения его из мира природы и формирования человека как существа социального» [Георгиева 2006: 9].

Напрашивается вопрос: бесчисленные войны человека с человеком, инквизиция, гекатомбы, фашизм, угроза ядерной войны и т. д. и т. п. — что это? Почему они сопровождают мир культуры? Единственное, что верно, это то, что человек становился культурным (к сожалению, и бескультурным) в процессе многотысячелетнего труда.

Проблемы изучения вопросов повседневности стали настолько значимыми, что в Государственный образовательный стандарт по специальности «Культурология» была введена дисциплина «Культура повседневности». В 2008 г. Л. В. Беловинский опубликовал учебное пособие «Культура русской повседневности» [Беловинский 2008]. В аннотации говорится, что книга является учебным пособием, повествующим об истории таких сторон жизни городов и сельской местности России, как обыденность, праздники и верования, быт и национальный характер. В целом автор показывает обширную картину русской повседневности XIX–XX вв., включая туда ее особый предметный мир и жизненный уклад, имевший место, как у правящих верхов, так и среди разнообразных маргиналов. При этом он не забывает осветить и вопросы, связанные с их трудом и отдыхом, моральными и эстетическими ценностями. Посетовав на то, что, как и во всяком новом направлении, в изучении истории повседневности «еще далеко до формирования определенного единства» [Беловинский 2008: 4], и даже нет общепринятой дефиниции понятия «повседневность». Л. В. Беловинский дает свое определение понятия «повседневность», рассматривая ее как практическую реализацию «в процессе общественного бытия существующих и выработку новых культурных норм и стандартов человеческой жизнедеятельности, формируемых жизненным опытом индивида и социума. Она

выступает как сочетание различных видов специализированной и обыденной деятельности, детерминированных ценностными ориентациями человека, переживающего здесь и сейчас как настоящее, так и неотъемлемое от него прошлое, переживаемое как субъективно, в живом восприятии людей, так и объективно, как данность, налагающая отпечаток на настоящее» (курсив автора. — Л. В.) [Беловинский 2008: 4].

Далее Л. В. Беловинский утверждает, что повседневность может быть использована как инструмент исследования и описания культуры ввиду того, что она обычно выступает местом реализации последней. Из этого можно понять, что ученый придерживается понятия о культуре как «о совокупности исторически складывающихся и постоянно видоизменяющихся социально актуальных норм и стандартов человеческой жизнедеятельности, порожденной потребностями воспроизводства человека» [Беловинский 2008: 4].

Л. В. Беловинский считает, что «повседневность выражается в „правилах игры“ коллективной жизни социума: мотивациях, социальной стратегии, нормах и правилах, стандартах адаптивной деятельности, взаимоотношениях людей, в организации, коммуникации, в нравах, обычаях, ритуалах, стереотипах восприятия и поведения, вкусах, оценках, творчестве, труде, формах отдыха и других регуляторах общественного поведения этносов, страт, социокультурных микрогрупп и индивидуумов в процессе общественного бытия в каждый исторический момент» [Беловинский 2008: 6].

Л. В. Беловинский считает, что основная задача исторической науки должна заключаться в изучении и описании истории нации. «А история нации выражается в её повседневной жизни. Таким образом, изучая историю повседневности, мы изучаем подлинную национальную историю» [Беловинский 2008: 12]. Чем же занимались историки раньше? По его мнению, они уже несколько веков создают труды по истории государства.

С этим взглядом можно не согласиться, а вот согласиться с Л. В. Беловинским можно тогда, когда он говорит о трудностях изучения повседневности, даже при изучении лишь одного этноса. Здесь исследователь может столкнуться с трудностями, обусловленными наличием в обществе крайне сложной и многоуровневой социокультурной стратификации [Беловинский 2008: 12].

Проблемы и вопросы в изучении калмыцкой повседневности

Сложность исследования многоуровневой социокультурной стратификации как нельзя лучше демонстрируется на калмыцком материале, особенно XVII–XIX вв. Калмыки были известны в России со второй половины XVI в., а с начала XVII в. отдельные калмыцкие улусы стали кочевать по российской территории. Подобная «многовековость» связана, в конечном счете, со следующими обстоятельствами: 1) существованием медленно изменяющегося хозяйства — кочевого скотоводства; 2) устойчивостью идеологических установок; 3) приверженностью народа морально-этическим установкам, выработанным предками; 4) религиозной особенностью; 5) сравнительной изолированностью от соседних народов.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что изменения в повседневности калмыков происходили. Исходя из сказанного, формируются задачи исследования. Во-первых, были ли, по крайней мере, в верхних социальных слоях народа, мировоззренческие взгляды? Известно, что «в различных формах мировоззрений по-разному представлены интеллектуальный и эмоциональный опыт людей. Эмоционально-психологическую сторону мировоззрения на уровне настроений, чувств составляет мироощущение. Опыт формирования познавательных образов мира с использованием наглядных представлений относят к мировосприятию. Познавательную-интеллектуальную сторону мировоззрения составляет миропонимание» [Введение в философию 1989: 25]. Несомненно одно: эти мировоззренческие состояния были в той или иной мере присущи всему калмыцкому народу.

Во-вторых, какова была «классическая», если так можно выразиться, калмыцкая повседневность? В-третьих, какие изменения происходили в калмыцкой повседневности в рассматриваемый период?

Под повседневностью в данном исследовании понимается материальная и духовная реальность со всеми присущими ей атрибутами, в которой живут и действуют конкретные человеческие сообщества (народы, социальные группы и т. д.) и которые застает человек после своего рождения. Как рождение, так и существующая в том или ином человеческом сообществе повседневность не зависят от отдельного человека.

Данную повседневность историк получает по эстафете от своих предшественников. Однако место его в окружающей жизненной реальности, т. е. все в той же повседневности, зависит уже от его собственных врожденных задатков, волевых решений, ситуационного выбора и продуманных поступков.

История изучения

Зарождение научно-исследовательского, познавательного интереса к калмыкам относится к первой четверти XVIII в., что было вызвано, в том числе и планами российского правительства по христианизации калмыков. Так, монах Киево-Печерской лавры Никодим Линкевич (Линкеевич) выучился у крещеных калмыков их языку и письменности. По указу Петра I от 19 апреля 1724 г. он в начале 1725 г. был направлен в Ставрополь-на-Волге (ныне — г. Тольятти), где были поселены крещеные калмыки. В течение нескольких лет он обучал детей русскому языку, переводил на калмыцкий язык духовную литературу, интересовался калмыцкой историей. Ему помогали три выпускника московской Славяно-Греко-Латинской академии (Андрей Чубовский, Яков Бестужев, Иван Ляхов), осваивавшие калмыцкий язык и письменность [*История отечественного* 1990: 43].

Известный государственный деятель и историк В. Н. Татищев, будучи управляющим Оренбургским краем, основал в Самаре татаро-калмыцкую школу (1737–1739 гг.). В 1741–1745 гг. он был астраханским губернатором и продолжал заниматься историей калмыков, приобретал калмыцкие книги, в том числе калмыцкую историю «Бодимир имяннованная» [*Исторические судьбы* 2004: 63–64].

Участниками второй академической экспедиции (П. С. Паллас, С. Г. Георги и И. И. Лепехин), проходившей в 1768–1774 гг., была собрана и опубликована разнообразная информация этнографического характера [*Гмелин 1777; Георги 1799; Лепехин 1771; Паллас 1809*].

В фондах Национального архива Республики Калмыкия имеются письма С. Г. Гмелина и П. С. Палласа, адресованные астраханским губернским властям. В них авторы просили оказать помощь своим экспедиционным группам в деле сбора различной информации о калмыках, причем ими учитывался и вариант непосредственного опроса калмыков в их улусах [*НА РК. Ф. 35. Оп. 1.*

Д. 29. Л. 200; НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 70. Л. 18; НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 72. Л. 99–101].

Начавшееся со второй половины XVIII в., уже можно сказать, планомерное изучение истории калмыков, было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, именно в этот период начинает оформляться стремление российского правительства к административно-хозяйственному освоению калмыцкой степи, и, во-вторых, появляются планы по установлению среди калмыков таких правоотношений, которые входили бы в сферу действия общероссийских законов и постановлений. Говоря устами Екатерины II, надо было узнать, «с кем дело имеем и о ком пещись должно?» [*История России 2009: 339*].

В этой связи неудивительным представляется новый подъем в деле написания и опубликования историко-этнографических работ о калмыках, пришедшийся на 1830–1840-е гг. В это время происходили обширные нововведения в системе управления калмыцким народом и регулирования социальных отношений между отдельными его сословиями. И в дальнейшем, вплоть до конца XIX в., появление работ о калмыках, кроме научно-познавательных интересов, вызывались и прикладными целями. Из публикаций XIX в. представляют большую ценность прежде всего работы Н. А. Нефедьева, П. И. Небольсина, И. В. Бентковского, И. А. Житецкого и Я. П. Дубровы [*Нефедьев 1834; Небольсин 1852; Бентковский 1868; Бентковский 1869; Бентковский 1870; Житецкий 1893; Дуброва 1998*].

Остановимся вкратце на содержании указанных работ. Необходимо отметить, что большинство авторов были должностными лицами, но это обстоятельство не мешало им обращать внимание и на такие стороны бытия калмыцкого народа, которые не были связаны с их административными функциями. Например, П. С. Паллас начинает свое повествование о калмыках с описания их внешности.

Так, согласно ему, калмыки почти все были среднего роста, имея в своем составе больше людей с низким ростом, чем с высоким: «Воспитание детей, которое препоручено одной природе (т. е. природе. — М. Б.), не может производить иначе, как только здоровое и совершенное тело. Они все сухощавы, и я не видал ни одного толстого калмыка по крайней мере из простого народа... Телом и лицом калмыки с природы еще на-

рочито белы, а по крайней мере все таковы малые дети. Из сообщенного некоторыми предшественниками описания должно бы думать, что все калмыки лицом весьма безобразны и страшны; но многие из мужчин и женщин имеют круглое и приятное лицо, да и некоторые столь пригожи, что и европейских городах не стали бы ими гнушаться» [Паллас 1809: 456].

Почти все авторы в той или иной степени прослеживают жизненный цикл калмыков: рождение, воспитание детей, жизнь взрослых мужчин и женщин и т. д. Особенно большое внимание уделяется браку, свадебным обычаям калмыков. Достаточно подробно освещается их религиозная жизнь, в связи с чем описывается и деятельность хурулов (кочевых, а позже и стационарных). Особенно много (относительно) внимания семейно-брачным отношениям уделил П. И. Небольсин, а религиозной жизни — Н. А. Нефедьев.

О том, каково было положение в последней области, по крайней мере в первой половине XIX в., быть может, с долей преувеличения А. Попов отзывался следующим образом: «В последнее время духовенство калмыцкое размножилось до того, что в некоторых улусах на каждую кибитку простолоудина приходится по одному гелуну. Впрочем чернь старается увеличивать число духовных членов общества совсем не по чувству набожности, но по побуждению своекорыстия; потому что каждый посвященный в духовное звание освобождается от всех повинностей и живет при хуруле на счет своего улуса; следовательно через это слагается уже некоторая тяжесть с его семейства, часто нуждающегося в дневном пропитании» [Попов 1839: 40–41].

Большинство дореволюционных авторов писали о калмыках или по литературным данным, или что каждый из них знал и видел по личным наблюдениям, так как многие из них были чиновниками, занимавшимися калмыцкими делами по их управлению и т. п. Из названного ряда выделяется работа Я. П. Дубровы. Наиболее ценной в этом труде является третья часть, где автор очень эмоционально описывает хозяйственно-бытовое положение калмыков Большедербетского улуса в конце XIX в. По его мнению, к печальному состоянию данной сферы у них привели следующие факторы: политика центрального правительства, имевшая характер непродуманной и хао-

тичной; пороки местной администрации, выразившиеся в корыстолюбии, самодурстве и равнодушии ее чиновников; колонизация лучших земельных угодий улуса, осуществлявшаяся крестьянами-переселенцами; безудержная эксплуатация калмыцкими нойонами и зайсангами простого народа [Дуброва 1998: 63–79].

Я. П. Дуброва очень сочувственно описывает неприглядный и ухудшавшийся быт большедербетских калмыков (большая часть их собратьев в Астраханской губернии жила не лучше их). Хотя он довольно сурово отзывается о бестолковости прежних административных установлений правительства и справедливо пишет об их малой эффективности, тем не менее он и сам продолжает уповать на то же самое администрирование.

Важно отметить, что Я. П. Дуброва весь пафос своего труда направляет на доказательство того, чтобы «именно теперь пополнить пробел в деле изучения быта калмыков во всех его проявлениях и тем так или иначе прийти на помощь администрации, занятой в настоящее время вопросом о коренном переустройстве экономического и правового положения этого народа» [Дуброва 1998: 16]. Сказанное не умаляет общего значения его труда. Никто до него не писал так сочувственно о калмыках, никто с такой смелостью не раскрывал причин их бедственного положения, никто так настойчиво не призывал искать пути их материального и духовного возрождения [Дуброва 1998: 4–8].

Рассмотрев основную дореволюционную историко-этнографическую (более всего последнюю) литературу, мы можем констатировать, что она строилась условно по единому образцу. Вначале авторы кратко останавливались на освещении основных политических событий калмыцкой истории. Затем они переходили к описанию быта, разделяя его на рубрики, вытекающие или, лучше сказать, определяемые основными этапами жизненного пути человека: рождение, детство, семейно-брачные отношения, старение и смерть, т. е. все то, что составляет в основном быт.

Оценочно-пояснительные пассажи весьма редки. Разумеется, пытаться восстановить внутреннюю жизнь человека, его психологию, мировосприятие и т. п. трудно, но без этого, без учета идеологической, так сказать, стороны индивида, социальных групп, сообществ, без показа их поколенной

передачи картина повседневности будет обедненной.

В советский период тема калмыцкой повседневности напрямую не разрабатывалась. Вместе с тем время от времени публиковались книги и статьи по этнографии калмыков, где можно было найти сюжеты, касающиеся быта, хозяйства, устного народного творчества и т. п., которые входят составной частью в повседневность.

В 1976 г. был опубликован первый номер Этнографического сборника [[Этнографический сборник 1976](#)]. Особое внимание привлекает работа У. У. Душана «Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии». В редакционном вступлении, кроме биографических данных, сообщается, что вопросы обычаев и обрядов дореволюционной Калмыкии были освещены У. У. Душаном еще в 1920-х гг. и изданы в Астрахани в 1928 г. под заглавием «Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними» [[Душан 1976](#)].

В этом же сборнике привлекает внимание издание писем Э. Островского в переводе с польского Ф. И. Стекловой [[Островский 1976](#)]. Наконец, в этом же номере опубликовано сообщение Д. Д. Шалхакова «Основные традиционные черты семьи и брака по литературным данным» [[Шалхаков 1976](#)].

Особое значение имеют следующие работы: [[Бакаева 1994](#); [Бакаева, Сангаджиев 2005](#)], ряд сюжетов и описаний в которых перекликаются с тематикой калмыцкой повседневности.

Кроме того, полезны и интересны занимающемуся культурой повседневности калмыков следующие работы: «Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследование и материалы» [[Хабунова 1998](#)]; «Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы» [[Борджанова 1999](#)]; «Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв.» [[Батыров 2014](#)]; переиздание книги Пармена Смирнова «Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии» [[Смирнов 1999](#)].

В 2008 г. в издательском доме «Герел» вышла книга автора статьи «Семья и брак в традициях калмыков» [[Батмаев](#)

2008], в которой рассмотрены отдельные сюжеты, связанные с калмыцкой повседневностью.

Заключение

Зарождение изучения истории повседневности относится к XX в., хотя отдельные исследования, касающиеся этой тематики, появлялись и в предыдущий период. Большую роль в становлении этого направления сыграли работы М. Блока и Л. Февра, ратовавших за введение в предмет исторической науки жизни и деятельности широких народных масс. В российской историографии активная разработка темы повседневности началась в постперестроечный период: среди закономерных последствий общества демократизации общества были не только пересмотр устоявшихся догм, но и обращение исследователей к истории повседневной, обычной жизни человека. Вместе с тем понятийный аппарат исследований, связанных с повседневностью, остается недостаточно разработанным, ряд исследователей весьма различно рассматривают понятие повседневности.

В калмыцкой исторической науке отсутствуют специальные работы, посвященные истории повседневности. Но в историографии имеется ряд трудов, которые могут послужить основой для проведения таких исследований. Рассмотрение историографии дает основание выделить дореволюционный, советский и постсоветский этапы. В дореволюционный период создавалась историко-этнографическая литература, строившаяся, в основном, по единому образцу (основные события политической истории, описание быта калмыков, отражающее этапы жизненного цикла), оценочно-пояснительные тексты встречались весьма редко. В советской историографии тема повседневности не разрабатывалась, но публиковались книги, в которых можно обнаружить сюжеты, касающиеся сторон жизни народа, которые входят составной частью в изучение повседневности. В постперестроечный период появились работы, в которых такие сюжеты стали разрабатываться шире, они посвящены фольклору и этнографии калмыков.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.: ил.
- Бакаева, Сангаджиев 2005 — *Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Батмаев 2008 — *Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 256 с.
- Батыров 2014 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв. (по материалам фондов НА РК). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
- Беловинский 2008 — *Беловинский Л. В.* Культура русской повседневности: уч. пос. М.: Высшая школа, 2008. 766 с.
- Бентковский 1868 — *Бентковский И. В.* Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь: Ставроп. стат. ком., 1868. С. 82–104.
- Бентковский 1869 — *Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь: Ставроп. стат. ком., 1869. С. 141–167.
- Бентковский 1870 — *Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 3. Ставрополь: Ставроп. стат. ком., 1870. С. 95–119.
- Блок 1986 — *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко; примеч. и ст. А. Я. Гуревича. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Бутенко 1987 — *Бутенко И. А.* Социальное познание и мир повседневности: горизонты и тупики феноменологической социологии / отв. ред. Л. Г. Ионин. М.: Наука, 1987. 144 с.
- Введение в философию 1989 — Введение в философию: учебник для вузов. В 2 ч. / под общ. ред. И. Т. Фролова. Ч. 1. М.: Политиздат, 1989. 367 с.
- Георгиева 2005 — *Георгиева Т. С.* Культура повседневности. Книга 1. Частная жизнь и быт древних обществ. М.: Высшая школа, 2005. 335 с.
- Георгиева 2006 — *Георгиева Т. С.* Культура повседневности. Книга 2. Частная жизнь и нравы от Средневековья до наших дней. М.: Высшая школа, 2006. 478 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. IV. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, также история о Малой России и купно о Курландии и Литве. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1799. 385 с.
- Гмелин 1777 — *Гмелин С. Г.* Путешествия по России для исследования трех царств естества. Ч. 2: Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года / перев.: Сергей Мошков. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777. 361 с.
- Гуревич 1993 — *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
- Гуревич 1990 — *Гуревич А. Я.* Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 31–43.
- Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Душан 1976 — *Душан У.* Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними // Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИ-ЯЛИ, 1976. С. 5–88.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1893. [6], II, 75 с.
- Исторические судьбы России 2004 — Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 14–16 октября 2004 г.). Астрахань: АГУ, 2004. 167 с.
- История отечественного 1990 — История отечественного востоковедения до середины XIX века / отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 435 с.
- История России 2009 — История России с древнейших времен до 1861 года: учебник для вузов / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. Б. Кобрин; под ред. Н. И. Павленко. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2001. 560 с.
- Кнабе 1989 — *Кнабе Г. С.* Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 26–46.

- Лелеко 2002 — *Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
- Лепехин 1771 — *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 года. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1771. 562 с.
- Людтке 1999 — *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: ежегодник 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 77–100.
- Медведев 1998 — *Медведев В. А.* Прозрение, миф или предательство. М.: Евразия+, 1998. 416 с.; ил.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 383 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 383 с.
- Островский 1976 — *Островский Э.* Письма Эдуарда Островского о калмыках // Этнографический сборник. № 1 / пер. с польского яз. и подготовка к печати Ф. И. Стекловой. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 88–111.
- Паллас 1809 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. Изд. 2-е. СПб.: Имп. Акад. наук, 1809. [9], 657, 116 с.
- Попов 1839 — *Попов А.* Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1839. Ч. XXII, № 4. Отд. 2. С. 17–46.
- Про 2000 — *Про А.* Двенадцать уроков по истории / пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 333 с.
- Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 248 с.
- Хабунова 1998 — *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 223 с.
- Шалхаков 1976 — *Шалхаков Д. Д.* Основные традиционные черты семьи и брака по литературным данным // Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 112–129.
- Этнографический сборник 1976 — Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. 173 с.

References

- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Historical and Ethnographic Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. Culture of Dwelling: Ethnic Traditions and Contemporary Priorities of the Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Family and Marriage in Kalmyk Traditions. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Historical Essays on Kalmyk Traditional Culture, 1770s to 1850s: A Case Study of Materials from the National Archive of Kalmykia. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 250 p. (In Russ.)
- Belovinsky L. V. Culture of Russian Everyday Life. Moscow: Vysshaya Shkola, 2008. 766 p. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetsky District in physiological, religious and social perspectives. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1869. Pp. 141–167. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetsky District in physiological, religious and social perspectives. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Vol. 3. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1870. Pp. 95–119. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyks of Bolshederbetovskiy District: Dwelling and meals. In: Collected Statistical Data on Stavropol Governorate. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1868. Pp. 82–104. (In Russ.)
- Bloch M. Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien (The Historian's Craft). E. Lysenko (transl.); A. Gurevich (introd., comment.). 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, 1986. 254 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: Studies and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Butenko I. A. Social Cognition and World of Mundanity: Horizons and Dead Ends of Phenomenological Sociology. L. Ionin (ed.). Moscow: Nauka, 1987. 144 p. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. Kalmyks of Stavropol Governorate: Everyday Life Reviewed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Dushan U. Unhealthy folkways of Kalmyks and struggle against the former. In: Ethnographic Collection. Vol. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 5–88. (In Russ.)
- Ethnographic Collection. Vol. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and

- History, 1976. 173 p. (In Russ.) Frolov I. T. (ed.) An Introduction to Philosophy. Textbook for university students. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1989. 367 p. (In Russ.)
- Georgi J. G. Description of Russia's Peoples. Part IV: Mongolic Peoples, Armenians, Georgians, Indians, Germans, Poles, and Imperial Russians with the Mentioning of All Cossacks / Qazaqs, History of Rus' Minor, and Detailed Insights into Kurland and Lithuania. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. 385 p. (In Russ.)
- Georgieva T. S. Culture of Everyday Life. Book 1: Private Life and Household Activities in Ancient Societies. Moscow: Vysshaya Shkola, 2005. 335 p. (In Russ.)
- Georgieva T. S. Culture of Everyday Life. Book 2: Private Life and Social Norms from the Middle Ages to Present Days. Moscow: Vysshaya Shkola, 2006. 478 p. (In Russ.)
- Gmelin S. G. Travels through Russia for the Study of the Three Natural Provinces. Part 2: Travel from Cherkask to Astrakhan and Stay in the Latter, From Early August 1769 to 5 June 1770. S. Moshkov (transl.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1777. 361 p. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. Historical Synthesis and the *Annales* School. Moscow: Indrik, 1993. 328 p. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. Theory of social formations and realism of history. *Voprosy filosofii*. 1990. No. 11. Pp. 31–43. (In Russ.)
- Ishin V. V., Toropitsyn I. V. (eds.) Historical Destinies of Russia in Vasily Tatishchev's Scholarly Heritage. Conference proceedings. Astrakhan: Astrakhan State University, 2004. 167 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. Kalmyk Weddings Ritual Poetry: Studies and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 223 p. (In Russ.)
- Kim G. F., Shastitko P. M. (eds.) History of Oriental Studies in Russia before the Mid-19th Century. Moscow: Nauka—GRVL, 1990. 435 p. (In Russ.)
- Knabe G. S. Dialectics of everyday life. *Voprosy filosofii*. 1989. No. 5. Pp. 26–46. (In Russ.)
- Leleko V. D. The Environment of Daily Life in European Culture. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2002. 320 p. (In Russ.)
- Lepekhin I. I. Across Different Provinces of the Russian State in the Years 1768 and 1769: Daily Travel Notes. Vol. I. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1771. 562 p. (In Russ.)
- Lüdtke A. What is history of everyday life? Its achievements and prospects in Germany. In: The Yearbook of Social History – 1998/1999. Moscow: ROSSPEN, 1999. Pp. 77–100. (In Russ.)
- Medvedev V. A. Revelation, Myth or Betrayal. Moscow: Evraziya+. 1998. 416 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khosheutovsky District: Essays on Household Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 383 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. A. The Volga Kalmyks: Detailed Eyewitness Accounts. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 383 p. (In Russ.)
- Ostrovsky E. Letters of Eduard Ostrovsky about Kalmyks. In: Ethnographic Collection. Vol. 1. F. Steklova (transl., ed.). Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 88–111. (In Russ.)
- Pallas P. S. Travels across Different Provinces of the Russian Empire. Vol. I. 2nd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1809. [9], 657, 116 p. (In Russ.)
- Pavlenko N. I., Andreev I. L., Kobrin V. B. A History of Russia: From Earliest Times to the Year 1861. N. Pavlenko (ed.). 2nd ed., rev. Moscow: Vysshaya Shkola, 2001. 560 p. (In Russ.)
- Popov A. Brief notes on the Volga Kalmyks. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1839. Vol. XXII. No. 4. Part 2. Pp. 17–46. (In Russ.)
- Prost A. The Twelve Lessons of History. Yu. Tkachenko (transl.). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000. 333 p. (In Russ.)
- Shalkhakov D. Key traditional features of family and marriage: A case study of literary sources. In: Ethnographic Collection. Vol. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 112–129. (In Russ.)
- Smirnov P. Across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Travel Notes. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 248 p. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Essays on Household Life of Astrakhan Kalmyks: Ethnographic Observations of 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. [6], II, 75 p. (In Russ.)

